
Ахат МУШИНСКИЙ

ХОЛОДНО, ГОРЯЧО И ОПЯТЬ ХОЛОДНО

Рассказ

Казань — один из самых заметных городов современной России, расположенный на левом берегу великой и длинной реки Волги, что зримо пересекает всю европейскую часть огромной страны и впадает, как известно из жизни и литературы, в Каспийское море, находящееся на стыке Европы и Азии.

Писатель и художник Ахат Мушинский — один из самых заметных граждан современной Казани, где он родился, жил и живет, дай ему Всевышний здоровья и дальнейших успехов в сочинительстве нежных и добрых произведений, написанных не только для интеллектуалов, но и для того народа, который сдуру иногда именуют простым, не подозревая или не желая понимать, как сложны люди, какими явными или тайными страстями они обуреваемы.

Мушинский — автор множества книг, которые просто необходимо читать, чтобы убедиться: слухи о том, что весь мир окончательно сошел с ума, погряз в негодяйстве и распаде, явно преувеличены. Его герои влюбляются, тоскуют, мечтают, заводят и воспитывают детей, чтят предков — то есть существуют так, как и завещано было всем нам упомянутыми предками. Мир не рушится, а укрепляется — таков мой главный вывод после чтения прозы Ахата Мушинского, достойной того, чтобы ее знала вся Россия, а не только Казань или я.

Евгений ПОПОВ

Было это давно, еще в Советском Союзе. Тогда я только вернулся из армии. Ну как «только»? Уже год работал в многотиражке. В те времена каждое крупное предприятие — завод ли, фабрика, вуз... — имело свою многотиражную газету, то есть многотиражку. Моя, под названием «Рабочее слово», представляла производственное объединение по выпуску радиокомпонентов. Весомое было предприятие, и весьма заметная в городе и отрасли была его многотиражка.

Поначалу, однако, устроиться куда-либо оказалось не так-то просто. Отделение журналистики Казанского университета тиражировало кадры, как печатный станок главного нашего издательства, и городские редакции в кадрах не нуждались. Но мне повезло, и я после некоторых мытарств в поисках намеченной еще в армии цели заступил на должность литсотрудника (так это называлось) «Рабочего слова».

Редактор хороший, все вокруг доброжелательны, и я начал строчить статьи, очерки... Особенно тянуло писать об интересных людях, нестандартных, с судьбой... Редактор давал полную свободу действий, и я старался.

Ахат Мушинский — прозаик, директор Татарского ПЕН-центра, главный редактор «Казанского альманаха». Родился в 1951 году в Казани. Окончил энерготехникум, Казанский университет (отделение журналистики). Автор романов «Шейх и Звездочет», «Записки горбатого человека», «Белые Волки», повестей, рассказов, публицистики. Лауреат литературных премий им. Г. Державина, «Заветная мечта», им. Ф. Искандера.

И вот однажды является к нам в редакцию девица с синими глазами и голубыми, как у сердечников, тенями под ними. И сразу — к столу редактора. Поговорили они. Редактор кивнул на подшивку малоформатной нашей газеты, она ее под мышку и цок-цок каблучками мимо меня, как мимо пустого места, — к двери.

— Может, помочь надо было? — спрашиваю редактора запоздало. Замечу, я всегда реагирую, когда уже проехали.

— Да нет, — ответил он холодно. — Она с водителем.

Оказывается, нашу газету взяли на проверку. Такое в те времена практиковалось. Партия должна была знать, о чем мы пишем. На сей раз оценить наш труд поручили республиканской молодежной газете. До меня задним числом дошла причина холодности шефа в общении с симпатичной гостьей — кому понравится, когда тебя проверяют!

Спустя время и после непонятного однажды мычания редактора в ответ на телефонный звонок говорит он мне:

— Тобой интересуются.

— Кто? — спрашиваю.

— Двое с носилками, один с топором. — Так он шутил порой.

Я не реагирую, но глаз с него не спускаю.

Он нервно стряхивает перхоть с плеч своего черного пиджака и сквозь зубы:

— Кто, кто... Та фифочка из молодежи, которая взяла наше изделие на пробу, — и, помолчав, добавляет: — Твои очерки о наших заводчанах понравились там у них, проверяющих.

Через день мне позвонили и попросили приехать в редакцию молодежной газеты. Признаюсь, я очень любил это издание и считал его самым ярким на газетно-журнальном небосклоне города. И кто, скажите, из молодых журналистов тех лет не желал бы попасть на этот местный олимп!

Я радостно отпросился у шефа, и он безрадостно отпустил уже вставшего на задние копыта и готового пуститься с места в карьер сотрудника.

Меня приняла у себя в кабинете исполняющая обязанности главного редактора Надежда Рассадина, статная женщина, волосы которой пронизывали первые нити седины. Рядом сидела та самая, прошу прощения, «фифочка», она, оказывается, заведовала отделом рабочей молодежи и студентов. Вид у нее был строгий, и совсем не подходила она под уничижительное определение шефа. Но его тоже можно было понять: он предчувствовал, вернее, заранее знал, что его правую руку как пить дать отнимут.

На мое «здравствуйте» Рассадина кинула «привет», будто мы с ней были сто лет знакомы. И начала с вопроса, глянув на мои красные носки, обнаружившиеся меж брючинами и туфлями, когда я присел на предложенный стул напротив нее:

— По последней моде?

— Подарили, — ответил я и покраснел.

— Это хо-ро-шо, — произнесла она, и через паузу: — Что краснеть умеешь.

Она сразу повела наше первое общение на «ты», и это было совершенно естественно в ее исполнении и даже как-то тепло. В редакции отсутствовала всяческая официальность. Я сразу заметил это. Народ общался, здоровался запросто, по-свойски. В коридоре у лифта стоял теннисный стол, и белый шарик метался из стороны в сторону, точно шаровая молния.

Рассадина неспешно расспрашивала, я отвечал. Наше собеседование походило на обязательную беседу с множеством отвлечений от моей конкретной персоны. Заведующая отделом рабочей молодежи и студентов большей частью помалкивала, вставляя лишь короткие реплики и разглядывая своими синими глазами, точно ребенок в магазине игрушек, новое приобретение.

Словом, на той встрече меня пригласили на работу в мою любимую газету и даже, признаюсь, мечту — на должность ответственного секретаря. Листая днями раньше нашу подшивку, сотрудники молодежи, то бишь проверяющие, обратили внимание на мои обширные публикации. Но главное, им нужен был человек, умеющий верстать газету. А все сотрудники многотиражек это умели, там не было касты исключительно пишущих перьев. Таким образом, и стал я ответсеком, если говорить армейским языком — начальником штаба одного из журналистских подразделений республики.

После кабинета исполняющей обязанности мы зашли к Полине Елиной — так звали заведующую молодыми рабочими и студентами. Она спросила, не захвачу ли я с собой подшивку на их редакционной машине, заметив, что газете нашей дана положительная оценка. Я, естественно, согласился. В те времена у меня еще не было своего авто. В тот день я толком ее не разглядел, волновался, не до разглядываний было. Это уж позже узнал ее до последней родинки.

* * *

Отдел рабочей молодежи и студентов был через стенку с моим кабинетом. Кроме нее, там давали стране угля еще два сотрудника двух других отделов. И по всей редакции так, в каждой комнате по три человека, кроме кабинетов главного редактора и моего. Но в одиночестве я не томился. У меня был проходной двор, поскольку все свои статьи, очерки, интервью, заметки, фотографии авторы сдавали мне, обсуждали их со мной, уносили порой обратно к себе на доработку, вновь приносили. Кроме того, коллеги, внештатные авторы оставались пообсуждать дальнейшие планы или просто поболтать.

Заходила и Елина. Первоначально говорили с ней только о ее материалах, посвященных стройкам, школам, институтам... Началось же наше взаимопонимание, сближение, не знаю, как сказать, с репортажа из университета о вечере, посвященного юбилею Лобачевского. Она цитировала в своем материале стихи великого математика.

Помню, я удивился:

- Не знал, что он еще и стихи писал!
- Сама не знала, к стыду своему, — ответила заведующая студентами и образованием.
- С другой стороны, ничего удивительного! — не смог остановить я свой заведенный новым познанием мозг. — Лишь настоящий поэт может доказать, что параллельные, как и судьбы, пересекаются.
- Если прямые пересекаются, то они не параллельные, — парировала Елина.
- Конечно, у меня и в школе было не фонтан с арифметикой, но я читал, что речь идет о пересечении в искривленном пространстве. Ну да ладно... Мне понравился «Разлив Волги при Казани», и я предлагаю вынести его из рамок репортажа в шпигель.

То есть было мое предложение поставить стихотворение на верхотуру первой страницы, сбоку названия газеты, с продолжением глубоко вниз, будто это передовица.

— А так можно? — вскинула Елина подковки своих черных бровей под светло-русую челку.

— Попробуем, юбилей же!.. — был я делано невозмутим.

На летучке по выходе номера дежурный обозреватель похвалил нас. Ее за текст, меня — за смелую верстку.

Рассадина поддержала оценку обозревателя. Она, лично знавшая и печатавшая в годы «оттепели» Василия Аксенова, Евгению Гинзбург, Евгения Евтушенко, сказала, заправляя упавшую прядь с нитями серебряной седины за ухо:

— Мы же молодежная газета, и не надо нам бояться экспериментировать.

Напомню, повествование мое идет о временах, когда в шпигеле, то есть в самом видном месте газеты, ее «красном уголке» давали исключительно цитаты из речей лидеров партии и правительства или поздравления с государственным праздниками.

После той летучки, не сразу, но постепенно Елина стала постоянной гостьей в моем кабинете. Понятно уж, что в разговорах с ней мы говорили не только о проблемах ее подшефной молодежи. Она была интересной собеседницей. Но тон ее слов был несколько снисходителен: все-таки я был самый молодой в редакции. В армии таких называли салагами. Хотя и сама она была всего лишь на пару лет старше меня. Полина, признаюсь, немало сделала для моего становления в новом коллективе, профессионально сильном, в творческих порывах даже дерзком.

Редакцию здорово поддерживал вскоре назначенный на пустовавшее место новый главный редактор Анатолий Будилов. Он говорил: «Если меня ругают в различных обкомах, значит, наш коллектив хорошо работает». Это означало, что мы умели задать трепака кое-каким зарвавшимся воротилам. Одно жаль: главред не сработался с Рассадиной, и она ушла из редакции.

Редакционный народ как-то спокойно относился к нашим с Полиной Елиной «творческо-дружеским» отношениям. Что с них взять! — все-таки молодежная газета. А может, это только казалось мне, влюбленному по уши в нее и в свою новую работу?

Оставаясь наедине в моем кабинете, я заслушивался всегда негромким, переливистым голосом Полины. Иногда так, что уже не слышал словесных волн, а только видел ее синие глаза и больше ничего. Особенно по субботам, когда вся редакция была баблужи, а я готовил воскресный номер, а ей выпадало дежурить по выпуску.

Это были дивные субботы, когда все нормальные люди отдыхали, это был рай в огромной полупустой высотке на берегу реки Казанки. Летом мы умудрялись с ней выйти на пляж и понежиться в прохладной воде, погреться на солнышке, подбирая себе под грудь горячий песок.

Смешно сказать, но у начштаба редакции уже на первом году службы появились ученики — два юнца, два преданных журналистике молодых бойца, один из которых по его протекции был взят в штат курьером. Он-то и бегал между типографией и пляжем с упакованными в пневмопатрон, как в тубус, полосами верстки и правки. Потом, кстати, мой верный курьер стал видным газетчиком.

* * *

Но вернемся в рай, где Ева все спрашивала Адама: почему он со временем совсем перестал писать в газету?

Адам отвечал, что не хочет опускаться в мирскую суету и поденщину. Предназначен он для другого. Для чего? История пока умалчивает.

И в самом деле, не хотелось мне растрачивать свои чернила на прозу жизни, поскольку я писал прозу художественную. Дома, после работы, по ночам. Благо, что мое утро не начиналось с фабричного гудка. Мне позволялось планировать свой рабочий день самому. И за огромным старинным столом ответсека я не смешивал чернила газетчика с божественной влагой сочинителя, создателя далеко не прозаической жизни возвышенных, красивых людей, далеких от замшелой обывательщины. Но я стеснялся признаться в этом.

Удобна была мне полутехническая работа в редакции, не связанная с письмом, комфортно было жонглировать строкомером в кабинете на солнечной стороне здания, считать строки, читать, болтать, а под лунным светом жить совсем другой жизнью. Дань прилежного газетчика я сполна заплатил в многотиражке. И при этом не изменил своей мечте, любимой молодежи — просто из газетного камешка и ква-

лифицированного строителя превратился в прораба и счетовода. На первых порах мне пришлось, конечно, показать, что я лаптем щей не хлебаю — написать кое-что, в том числе цикл очерков об экспедиции со сборной альпинистов республики на Тянь-Шань (за переработки мне раз в год предусматривалась творческая командировка), доказать, что имею полное право редактировать и править других. Тем и ограничился в письме для газеты.

И каждый раз, когда она касалась темы этой моей странной немоты, я старался увести разговор в сторону. Спрашивал, например:

- Почему тебя так называли?
- Как? — недоуменно переспрашивала она.
- Специально или просто совпало?
- Что совпало? — Она моргала бахромой своих загнутых ресниц, ничего не понимая.
- Ну вот прислушайся: По-лина Е-лина. Вторая часть имени-фамилии одна и та же, получается и там, и тут имя «Лина».
- Интересно... Ты меня просто поражаешь! Недаром тебя прозвали Микроскопом.
- Отец твой не поэт, случайно? — продолжал я гнуть отвлеченную тему.
- Почему это?
- Имя с фамилией, получается, в рифму.
- Нет, отец мой — орнитолог, — и добавила: — Кстати, рифмы тут никакой нет, ударения не совпадают.

— Все равно — и поля тут, и ели...

Отвлечения отвлечениями, но я честно признался тогда, что такой красивой фамилии с именем я не встречал.

- Только ли? — шутила она в ответ.
- Не только, конечно, — еще честнее признавался я.

Но однажды все-таки раскололся. Зимой дело было, когда мои родители уехали в портовый Калининград, к родственнику, штурману траулера «Казань», который был в отпуске, и мы с ней решили завернуть ко мне погреться. Я пошел ставить чайник на газовую плиту, а она по-своейски прошла в хоромы нашей «хрущевки» и на моем письменном столе обнаружила рукопись с названием во главе и с пояснительным жанром под ним.

- «Холодно, горячо и опять холодно. Роман», — прочитала она с выражением.
- Ой-ой-ой! — заверещал я, бросая кухонные заботы.
- Это что ж такое?! — воскликнула Елина начальственным тоном. — Подпольный писатель у нас завелся?
- Почему подпольный?
- А потому, что в нашей редакции уже работали писатели, и все они свои художества не скрывали, наоборот, активно печатали и потом... — регистр ее голоса понизился, — долго у нас не задерживались.
- Но я еще не закончил, чтобы опубликовать! — воскликнул я, не дослушав тираду до конца.

— Понятно...

— Что понятно?

— Понятно, почему ты ни строчки в газету не пишешь! — опять пошла она в атаку.

— Это не входит в мои обязанности. Для этого есть ты и твои коллеги в отделах со своими внештатными авторами.

— А ведь начинал с прекрасных очерков! — качала она укоризненно головой. — Мы думали, так и продолжишь.

— Я выполняю всю возложенную на меня секретарскую работу, — разводил я руками. — Какие могут быть ко мне претензии?

— Как какие? Я тебя нашла прежде всего как интересного очеркиста, а уж техническая твоя оснащённость — это попутно.

— Спасибо, конечно, без тебя я так и сидел бы в многотиражке. Но мне надо идти дальше.

— Куда это еще? — Ее большие синие глаза расширились и потемнели.

Я ответил, опустив голову, как школяр учительнице:

— От очерка к прозе... к художественным текстам.

Уже за чашкой чая начальственный пыл моей неотразимой гостьи поубавился, и она спросила:

— О чем же твой роман с таким интригующим названием? — и заметила по этому поводу: — У нас в детстве игра была «Холодно, горячо», когда кто-то прятал какую-нибудь свою вещь, а другой искал ее. Если ищущий отдалялся от «клада», прячущий подсказывал словами «Холодно, еще холоднее»; и наоборот, при приближении к тайнику: «Теплее, еще теплее». И наконец восклицал: «Горячо!», когда искатель набредал на укромное место со спрятанным предметом.

— Эта игра у меня в рукописи не упоминается, — промолвил я, — хотя мы тоже так играли. Может, в подсознании она и была, как теперь мне уже кажется после твоих слов. Не знаю, но я писал совсем о другом...

Елина пила чай с блюдечка, как барыня с картины Кустодиева, только совсем не толстая и не такая важная она была. С моей гостьи можно было писать живописные полотна и пополнять галереи с идеальными фигурами дев эпохи Возрождения. Не преувеличиваю.

К чаепитию Елина относилась как к священнодействию, изящно перебирая пальчиками под горячим блюдцем, и казалось, что тема моей «подпольной» рукописи исчерпана. Но не тут-то было. Наполнив блюдце второй порцией чая, она подняла на меня свои синие озера и кратко сказала, как выстрелила:

— Дай почитать.

Я чуть не поперхнулся.

— Это плохая примета — давать читать кому-либо незаконченные вещи.

— Я тебе — «не кому-либо»! — урезонила она меня полупшепотом.

— Прости, — так же тихо ответил я.

Конечно, под ее натиском устоять я не смог и стал главу за главой давать ей на прочтение. Надо сказать, такого тонкого ценителя прозы до этого встречать мне не приходилось. Она судила с точки зрения взыскательного читателя: «здесь совершенно не понятно, куда свернуло повествование», «тут нет логики, перехода от одного к другому»... Мой Белинский в юбке осуществляла обратную связь писателя с читателем до выхода рукописи в свет. И это оказалось очень важно. Я научился в некоторой мере смотреть на свое письмо глазами читателя. И главное в моих потугах было заставить его поверить в мои измышления. Для этого всю выдумку свою я сажал на реальную основу, до самых мелочей, до крохотных деталей... Так что берегись, доверчивый книгочей!

Да, я начал с крупных форм. И продолжал в том же ключе. Мне даже говорили: «Кому нужны в наш динамичный век твои громоздкие пароходы с трубами и дымом на весь фарватер? Теперь в ходу небольшие глиссирующие катера». С возрастом капитан дальнего плавания то ли обмельчал в своих масштабных притязаниях, то ли просто пыл адмирала Нельсона в нем угомонился, и как-то само собою он пересел на маленькие лодочки с веслами. Но об этом позже.

* * *

Наши отношения с Полиной давно уже были очевидны для всего коллектива редакции, но это никого не раздражало, и никто даже не подшучивал над нами. К лету,

не помню уж, какого года, я обзавелся машиной, и мы в жаркие дни пропадали где-нибудь на берегу Волги, сбежав с работы. Одного из своих учеников к тому времени я так натаскал, что он стал замещать меня в мое отсутствие. Не имей ста рублей, а имей достойных учеников, и тебе, наставник, воздастся, если они на каком-нибудь крутом повороте не предадут тебя. Но это еще когда! Пока оперятся, пока встанут на ноги... пользуйся моментом!

В один из таких дней лежим как-то на бархатной травке волжского берега, недалеко от города. Солнце ласкает нас своими животворными лучами, чайки голосят в такт легкому прибою, и совсем рядом ее небесные глаза — без облачка, без тени беспокойства.

Я спрашиваю:

— Как дразнили в детстве тебя мальчишки?

— Ёлкиной, — отвечает.

— Елина — Ёлкина, да, остроумно!

В голове ни размышлений о будущем, ничего вообще серьезного — сплошное счастье и безоблачность, как в безбрежном синем небе над нами.

Она спрашивает:

— А стихи ты писал?

— Конечно, — отвечаю. — Мой наставник говорил: «Кто в юности стихов не пишет, того надо доктору показывать».

— Почитай что-нибудь.

Я стяхиваю с ее загорелой руки муравья, встаю на колени и, барабаня себя по груди кулаком, начинаю:

Не променяю никогда
рубаху белую на черную...

Она внимательно слушает. И по окончании привязывается к фразе «Я парень чисто городской».

— А что тут такого? — удивляюсь я. — Если это на самом деле?..

— Да нет, все так. — Она садится, убирает с груди травинки. — Я ведь тоже городская, но всю жизнь вот мечтаю жить где-нибудь в лесу, чтоб просыпаться под веселый птичий щебет поутру, собирать днем ягоды к чаю, еловые лапы для аромата в моей избушке, кормить белок с руки, а ночью засыпать под соловьиные трели. А когда не спится, смотреть в окно на звезды и чувствовать, что между мной и звездной бесконечностью нет никаких преград. Знаешь ли, чем зимнее морозное утро отличается от летнего? Зимой солнце поднимается неспешно, и оно такое светло-персиковое, а сугробы, удивительное дело, и снега на крышах и ветвях деревьев принимают первоначально сказочно голубой цвет.

— В тени.

— Да, с теневой стороны. Красота неопишная! Летом же, ранним погожим утром солнышко бодрее, оно бело своим ликом и сразу с появлением из-за горизонта пробуждает жизнь, все вокруг начинает разом чирикать, петь, жужжать, веселиться. Когда жила у бабушки в Залесном, старалась вставать еще затемно, до утренней звезды. Пусть и сонники из глаз еще не улетели, но я всякий раз, как впервые, готовилась встретить рассвет и поприветствовать лучезарного бога Гелиоса на золотой колеснице. Разве в городе возможно такое? Хочу настоящий бревенчатый дом на краю деревни у густого леса, и чтоб озеро было с плывущими по нему белыми облаками.

Кто знал, что мечта ее сбудется!

* * *

Не всегда бывало солнечно и синело чистое небо над нами. Разок попали под дождь, лило как из ведра. Мы спрятались под навесом автобусной остановки. Как там очутились, где машина, не помню. Мы сидели бесприютно на речной лавке в ожидании конца светопреставления. Полина была необычно тиха и задумчива, облачными были в тот день не только небеса, но и ее бездонные глаза.

Когда дождь кончился и мы пошли по лужам, она тихо произнесла, подняв на меня рассеянный взгляд:

— Давай поженимся.

Не скажу, что я обомлел, но пауза была продолжительной.

— А как же Сережа, законный твой?.. — промолвил я. — Сын, наконец?

Она опустила глаза над посеревшими тенями. Это означало, что она все понимает, что узел этот по щучьему велению, по нашему с ней хотению не разрубить. Просто вывалилось вот само собою из груди то, что сидело в ней безысходным томлением, не сказанным словом. И быть может, душа тем самым облегчилась.

И все продолжилось, как раньше, и не задавались больше мы вопросом законности нашей незаконной связи.

У читателя может сложиться впечатление, что за любовными отношениями забыли мы все редакционные обязательства, газету любимую и совесть. Не совсем. Когда я пришел в редакцию, тираж молодежи был тридцать тысяч экземпляров, через несколько лет он достиг ста двадцати пяти тысяч. Не говорю, что, мол, это я вытащил издание. Сыграли здесь немало факторов, в том числе наш крепкий с главным редактором тандем, взаимопонимание, поиск и открытия в буреломе неизменного и заасфальтированного всего и вся.

Долго ли, коротко ли рукопись моего романа пробыла в подполье, но приспело время, и книга со странным для многих названием «Холодно, горячо и опять холодно» увидела свет. Напрасно редактор госиздательства привязывался, отстоял я имя своего первенца. Больше всех, наверное, не считая родителей, радовался мой первый читатель — Полина Елина. Она прочла мой труд вдоль и поперек, с начала до конца и, казалось, с конца до начала. Нередко вспоминала цитаты. Например: «Настоящая любовь — это бесконечность». Или: «Любовь — это познание. Кончилось познание — кончилась любовь». И тут же вопрошала:

— Как же это — то бесконечность, то беспощадная предопределенность? Не понимаю!

— Жизнь противоречива, — замечал я. — Порой она тишь да благодать и вдруг такой фортель выкинет, что волосы дыбом. Не раз сталкивался с подобным.

— А сам испытывал такое?

— Пока, откровенно говоря, нет.

Но все впереди было. Не дано простому смертному заглянуть в будущее, если только вещей сон случайно не подскажет. Но я ни гадалкам не верил, ни звездным прогнозам, ни сонникам — этим толкователям снов на все случаи жизни.

* * *

А время летело вперед, как пара гнедых, — не остановить, не притормозить даже. Мне предложили новую работу, и я поднялся ступенькой выше в табеле о рангах слушателей стального пера и пишущей машинки. Полина приступила осуществлять свою мечту — строить с мужем где-то за городом бревенчатый дом на краю деревни у густого леса, недалеко от озера с плывущими по нему белыми облаками.

Эти новшества не повлияли на наши с ней отношения, мы продолжали встречаться, вторая жизнь продолжалась, неизменно и параллельно, не пересекаясь с официальной, парадной, законной...

Она рассказывала, как поднимался сруб от венца к венцу, как покрылся он крышей, как заиграли солнечными зайчиками окна. А вот и первая ночь без преград между ней и звездной бесконечностью, и рассветное солнце над воротами нового дома; вот и банька, и гараж, и даже, нате вам, курятник с курами и петушиной одой новому дню!

— Приезжай как-нибудь — посмотришь!

Выбрали с ней время, подъехал к усадьбе на краю деревни у леса, недалеко от озера, по глади которого плыли белые облака. Ворота знатные, забор высокий. Звоню, стучу — тишина. Потянул на себя дверь воротную — она не заперта. Захожу, а Полина, смотрю, навстречу идет. Улыбается приветливо, а в руке топор. И обгоняет ее петух без головы, хлещет кровью, как из пулемета. И прямо мне в лицо. Заволокло глаза мутью багровой, плохо мне стало, тут разом выпорхнуло из меня сознание — погрузился, стало быть, я в беспамятство, в тишину беспросветную.

Не знаю, сколько пробыл в небытии. Лежу, глаз не открывая. Вдруг рядом — мужской голос:

— Слышь, дорогая, давай вырежем ему почку. Сейчас, знаешь, сколько она стоит?! Ему и одной хватит.

Вскочил я, как ошалелый. Озираюсь — никого. По стенам вокруг родные картины висят, фотографии... Надо же, дома я, приснилось все!

К чему это? Поверишь тут черт знает во что! Шторы посветлели, за ними новый день начинается. Вперед-вперед, к новым вершинам, жизнь продолжается! Но что-то, даже не осадок, а нечто тяжелое, нехорошее осталось на душе.

И опять все продолжилось с ней. Она говорила:

— Несмотря ни на что, мы должны видаться, чувствовать дыхание друг друга.

Тем не менее встречаться стали реже. Казалось бы, для любви нет преград, но служебная разобщенность, расстояния да эта еще пресловутая новостройка делали свое дело.

Для судьбы-злодейки этого, однако, оказалось маловато. В мае, перед обыкновенно бурным нашим летом, заведующая отделом рабочей молодежи и студентов молодежки сломала ногу. Полезла куда-то по приставной лестнице и сорвалась с высоты оконной притолоки своей бревенчатой мечты.

И наши свидания закончились. Нет, не прервались на время — полностью аннулировались из жизни, ушли в небытие. Она вышла на длительный больничный, потом уволилась... Ее выходил муж. Носил обезноженную буквально на руках.

Напомню, что тогда никаких мобильных, смартфонов, Интернета и в помине не было. Первое время я чувствовал себя словно петух, потерявший голову. Нет, неточно сказано, даже смешно. Как петух с отрубленной головой, все продолжавший бегать по каким-то неотложным делам. Постепенно успокоился. Женился, развелся. Но несмотря на безжалостные выверты судьбы, продолжал писать прозу, как уже сообщал раньше, пересев на лодочку с веслами.

Прошли годы, по шевелюре брюнета побежали серебряные нити, его любимую когда-то газету закрыли, он пересел с пишмашинки за ноутбук. Ненароком тут накатил первый его юбилей, который отмечали в ресторане, на крыше большого дома, на свежем воздухе конца мая.

В разгар празднества у юбиляра зазвонил в кармане телефон. Кто это еще?

Это была она.

Полина поздравила меня со знаменательным днем, пожелала, как положено, здоровья, успехов в творчестве и сообщила, что муж ее умер.

— Как, когда?! — не ожидал я такой концовки поздравления.

— В прошлом году, — сообщила она дрожащим голосом.

Рой мыслей пробежал в хмельной голове, в груди что-то угловато шевельнулось, но ни на какое действие я не сподвигся — ни в тот день, ни на другой. Надо было собрать воедино душу и рассудок, взвесить свои дальнейшие шаги, а я, как известно, был не скор на подъем.

Позвонил через неделю, поговорили более обстоятельно, не как в час юбилейного застолья. Завязалось телефонное общение. Я выслал ей свои фотографии последнего времени, просил прислать свой портретик, но она этого не сделала. Я предложил ей встретиться, сходить в какую-нибудь кафешку — отказалась. Позже, правда, прислала фото, сделанное на приличном расстоянии от фотокамеры, в полный рост рядом со снежной бабой. Стоит закутанная, в вязаной шапочке с опущенными ушами — формально выполнила просьбу. Думала, наверное, не разгляжу ее в таком одеянии. Но бывший ответсек разглядел. Личико ее с некогда заостренным подбородком округлилось, если не сказать оквадратилось. Да и вся она, с ног до головы, выглядела близкой родственницей той самой снежной бабы, рядом с которой стояла.

Понимаю, долгое время она не могла ходить, быть активной и жизнедеятельной, а человек без движения грузнеет. Но это, я считаю, не повод, чтобы перечеркивать былое, сводить на нет, пусть и небольшое, но еще оставшееся будущее. А может, я не прав вовсе. Может, изменившаяся внешность угнетала ее, и она стеснялась в таком раздавшемся виде показываться человеку, который знал осиную талию своей принцессы, целовал тонкое с ямочками на щеках и большими синими глазами лицо.

Я сел и написал рассказ, где главными действующими лицами были мы с ней. Иносказательно так, не в лоб, сторонний читатель, да и знакомый, даже близкий нам человек и не заподозрил бы в парочке влюбленных на страницах художественного произведения именно нас, грешных. Но ей-то мое новое объяснение в любви должно было быть, безусловно, понятно.

И не откладывая в долгий ящик, я отправил послание с еще, так сказать, не высохшими чернилами главному моему читателю. Мы продолжали общаться по телефону. С каждым новым звонком я ждал отклика на мой рассказ, но его не было ни через дни, ни через недели. Не принято у писателей выпрашивать у кого-либо прочтения своей писанины, но Полина была «не кто-либо», как она сама о себе когда-то сказала, и я не вытерпел и спросил:

— Елина, — иногда мы называли друг друга по фамилии, как это было принято в молодёжке, — ты прочитала мой рассказ?

— Нет еще, — ответила она буднично, словно я прислал ей для интереса рассказ какого-нибудь модного автора. — Но я сразу скинула на флешку. Обязательно прочту.

Минуло еще немало времени, пока она сподобилась...

— Прочитала рассказ, — сообщила как-то, чем от неожиданности даже удивила меня — думал уж, никогда не прочтет. Но большее удивление вызвала последовавшая за этим краткая оценка: — Понравилось.

Так обычно оценивают художественные произведения — будь то литература, живопись, музыка... — далекие от искусства люди, дилетанты и дети. Никакого осмысления, никаких размышлений, сколь-нибудь подобия анализа, хотя бы в двух словах. И это ведь рассказ о нас с ней от начала и до конца. Может быть, Полину подменили? Но голос-то ее. И голос этот с большим вдохновением рассказывал о яйценоскости кур. Целые лекции порой я выслушивал. А в тот день вот она сообщила, что несушка за жизнь свою способна довести яйцекладку до четырех тысяч яиц.

— И что интересно, — произнесла она звонко, — курочка может нести яйца самостоятельно, без помощи петуха, то есть без его участия в процессе...

— А как же любовь? — поинтересовался я. — Не у петуха с курицей, естественно.

— Это чисто физиологическое явление, — ответила дочь орнитолога, — и носит временный характер.

— И наша тоже?

Она хмыкнула:

— А чем мы отличаемся от прочих живых существ, населяющих Землю? Если посмотреть объективно, а?!

— Значит, то, что мы называем любовью, это просто поэтическая, а точнее сказать, человеческая придумка, чтобы заменить понятие обыкновенного полового влечения на что-то якобы высокое и красивое?

— Ты же умный человек, — послышался в трубке краткий вздох, — сними розовые очки и посмотри на мир холодным, трезвым взглядом. Существуют же незыблемые законы природы, которые распространяются на все живое, в том числе и на человека.

— Но мы же говорили с тобой, что, невзирая ни на что, будем любить друг друга бесконечно, — пытался напомнить я наши клятвы.

— Любовь, возвышенные чувства, парение в облаках... — Она глубоко вздохнула и промолвила с высоты своего жизненного опыта: — Всему свое время, дорогой.

Я ничего не ответил. Перевел разговор на бытовое и повседневное. Спросил про сына. Она в который раз поведала, что у него все хорошо, что завел он вторую семью, там и тут дети, что с дочками часто гостит у нее и помогает по хозяйству, точнее даже, ведет его.

— Все-таки без мужских рук в деревне непросто. А он у меня, что называется, с руками.

Что сказать, я согласился, а сам все думал о фразе «всему свое время». Нехорошо легли ее слова на душу. И о чем они? О временности всяких взаимоотношений, о том, что все имеет свой конец, и вообще — о мелкотравчатости человеческой особи?

Но как жить тогда, скажите на милость! Мир-то наш под солнцем, луною и звездами — не курятня, в конце концов, огражденная крышей, догмами и пыльной обыденностью.

Так мы с ней и не встретились. И телефонные свидания наши сократились до поздравлений с днем рождения и с Новым годом.

Я как-то назвал ее дочерью орнитолога, а куры, интересно, входят в науку о птицах? Много других оставалось вопросов и недоумений. Но вывод ко всему был один: курице теперь петух не нужен. И с этим прогрессивным явлением надо было смириться.

А как? Да простят меня читатели, но литераторам в этом отношении легче. У них есть еще другой мир, параллельный, который по законам Евклида с настоящим может и не пересекаться.

И улетел я с друзьями-альпинистами на Тянь-Шань, взобрался опять на пятитысячник Джигит и окинул взглядом заоблачные просторы. Под холодным, не слепящим глаз солнцем, над похожими на сугробы кучевыми облаками возвышаются заснеженные красавцы Хан-Тенгри, пик Победы, виднеется неохватное множество других гор во все стороны до горизонта. Морозно — дубак что надо! Развеваются снежные флаги на вершинах под напором ледящих ветров, а на сердце горячо. Жизнь продолжается, и она кажется вечной и высокой, как эти холодные горные вершины.